

Практики исследования общественно-политических процессов

В.А. Масич

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В статье предпринят опыт анализа публикаций российских экспертов по проблематике науки и образования как инструментов «мягкой силы». В рассмотренных материалах выявлены неточности в интерпретации оригинальной концепции Дж. Ная, а также необоснованные допущения в оценке потенциала инструментов «мягкой силы». Особое внимание обращается на значение таргетирования аудитории и идеологического наполнения программ обучения иностранных студентов для «мягкой силы» принимающей стороны.

Ключевые слова: «мягкая сила», международные отношения, политика, Джозеф Най, образование, общественная дипломатия.

В 1990 г. в работе «Обязанные лидировать: Изменяющаяся природа американской власти» (“Bound to Lead: The Changing Nature of American Power”) профессор Гарвардского университета Джозеф Сэмюэл Най-младший (Joseph Samuel Nye, Jr.) впервые предложил формулировку понятия «мягкой силы» – словосочетания, которое сегодня активно употребляется в научных и политических кругах по всему миру. С этого момента американский политолог в своих работах последовательно развивал концепцию «мягкой силы». Наиболее полное, по мнению самого автора, определение «мягкой силы» приводится в вышедшей в 2011 г. работе «Будущее власти» (англ. “The Future of Power”), где под этим термином понимается способность влиять на других с помощью коопитивных (т. е. вовлекающих) средств формирования повестки (т. е. перечня приоритетных вопросов в области международных отношений, требующих внимания и решения), убеждения и оказания положительного привлекательного воздействия для достижения

желаемых результатов¹. И хотя с 1990 г. были разработаны многие существенные для понимания элементы концепции, тематике собственно инструментария «мягкой силы» и практического ее применения в трудах американского ученого уделено сравнительно мало внимания, что, в свою очередь, обусловило возможности для неточной интерпретации и широкой полемики по данной теме.

Одной из тем общей инструментальной проблематики в концепции «мягкой силы» является проблема использования науки и образования в качестве средств реализации внешнеполитических интересов стран и их государств². В последнее время она неоднократно становилась объектом рассмотрения у российских политологов. Свою исследовательскую проблему мы видим в том, чтобы, основываясь на оригинальной концепции Дж. Найа, рассмотреть публикации российских экспертов по данной теме и определить российскую специфику в данной области.

В 2012 г. была опубликована статья заведующей сектором экономики науки и инновационных процессов ИМЭМО РАН И.Г. Дежиной «Российская наука как фактор “мягкого влияния”»³. Автор приводит и анализирует факторы, по ее мнению, способствующие и не способствующие превращению российской науки в инструмент «мягкой силы», и в итоге приходит к выводу о том, что российская наука представляет собой негибкую неинтернационализированную систему, слабо представленную в мире и нуждающуюся в глубоких внутренних изменениях для того, чтобы стать фактором привлекательности страны, а значит, по логике автора, и инструментом «мягкого влияния» в международных отношениях. При этом И.Г. Дежина полагает, что Дж. Най не включает науку в ресурсную базу «мягкой силы», ограничившись культурой, политическими ценностями и внешней политикой. Однако это не совсем точно. В действительности логика концепции предполагает включение сферы науки и образования в категорию культуры и, соответственно, в ресурсную базу «мягкой силы». Другая характерная проблема заключается в том, что из текста статьи не вполне ясно, каким образом сильная наука на практике приводит к увеличению «мягкой силы» страны – по умолчанию считается, что такая привлекательность приводит к постоянному притоку кадров, что, в свою очередь, усиливает не только саму науку (в примере автора – американскую), но и экономику, и, соответственно, внешнеполитический потенциал страны. Однако же, следуя теории, на которую опирается Дж. Най, можно заметить, что увеличение ресурса не обязательно приводит к его полноценной конвертации в конкретную силу, в данном случае «мягкую»⁴. Основы этого видения были сформулированы Дж. Наем и его коллегой из

Принстонского университета Р.О. Коохейном еще в 1977 г. в работе «Сила и взаимозависимость» (“Power and Interdependence”)⁵.

В 2012 г. была опубликована и статья ректора МГИМО А.В. Торкунова «Образование как инструмент “мягкой силы” во внешней политике России»⁶. Для автора стратегия «мягкой силы» предполагает в первую очередь развитие следующих видов деятельности, рассматриваемых как инструменты позиционирования страны на международной арене: экспорт образования, продвижение языка и распространение национальных культурных ценностей. А.В. Торкунов демонстрирует уверенность в том, что предоставление образовательных услуг иностранным студентам является одним из важнейших инструментов «мягкой силы» государства, поскольку иностранные студенты, прошедшие обучение в стране, возвращаясь на родину, как правило, как указывает автор, становятся эффективными проводниками языка и культуры той страны, где учились⁷. Однако это утверждение, как и вопрос о том, насколько эффективна такая образовательная деятельность может быть с точки зрения обеспечения внешнеполитических интересов какого-либо актора, и в том числе России – вопрос дискуссионный, который мы считаем необходимым определенным образом здесь обсудить.

Сам Дж. Най придерживается мнения, согласно которому предоставление образования иностранцам действительно может положительно повлиять на «мягкую силу» государства, предоставляющего образовательные услуги (в нашей терминологии «государства *alma mater*»), в родных странах студентов в случае, если они возвращаются в них после обучения⁸. Этому же вопросу еще в 2011 г. коснулся бывший посол США в ООН Кен Эдельман (Ken Adelman), в статье которого, вышедшей под названием «Не такая уж и умная сила» (“Not-So-Smart Power”) в журнале “Foreign Policy”, представлено иное отношение к затронутой теме⁹. Он привел пример выпускника подобной образовательной программы для иностранцев в США. Этот выпускник стал впоследствии одним из ведущих теоретиков радикального исламизма. Его имя – Саид Кутб (Sayyid Qutb).

В своей статье «Урок ненависти» (“A Lesson In Hate”), опубликованной в Смитсоновском журнале в 2006 г., американский писатель и журналист Дэвид фон Дрель (David Von Drehle) предпринял попытку осмыслить истоки ненависти, питаемой исламистами к США через случай С. Кутба, приехавшего в 1949 г. учиться в эту страну¹⁰. Город, в котором учился С. Кутб, по мнению автора, имел на тот момент консервативную репутацию, но будущий идеолог «Братьев-мусульман» увидел в нем настоящие «сексуальные джунгли», полные разврата и примитивных желаний. Автор в ито-

ге приходит к выводу о том, что никаких разумных оснований для фанатика в его ненависти нет, а основной претензией С. Кутба к США была широта возможностей, предоставляемых страной, которые вели, по его мнению, к духовной деградации. Иными словами причиной ненависти в основе своей, стало ровно то, что, как считается, должно привлекать.

Пример С. Кутба в такой интерпретации примечателен тем, что он позволяет нам увидеть, какое отношение может вызвать успешная в материальном и культурном плане страна (по многим из формальных критериев) у образованного представителя иной культуры, чье мнение может быть поддержано и популяризировано. Закономерно возникает вопрос, является ли пример Саида Кутба единичным? С уверенностью можно сказать, что не является. К. Эдельман в той же статье приводит примеры и других иностранных выпускников учебных заведений, в своей последующей деятельности отнюдь не ставших эффективными проводниками языка и культуры той страны, где они учились, например будущего президента Ганы и социалиста Кваме Нкрума (Kwame Nkrumah) (обучавшегося в США) и лидера исполнителей терактов 11 сентября Мухаммада Атта (Mohamed Atta) (обучавшегося в Германии).

И А.В. Торкунов, и М.М. Лебедева с Ж. Фор, на работу которых первый ссылается, по умолчанию предполагают, что будущие выпускники российских вузов, во-первых, вернутся домой, во-вторых, на родине станут агентами влияния российской «мягкой силы». В действительности же никаких гарантий того, что это произойдет, нет.

В нашем представлении результаты влияния образовательной деятельности в отношении иностранцев на «мягкую силу» государства всегда будут зависеть от внимания и соответствующей политики принимающей стороны по отношению к следующим вопросам:

1. Кто приехал в страну за образованием?
2. По каким критериям было выбрано государство?
3. По каким критериям был выбран вуз?
4. Каков был процесс обучения?
5. Каковы были результаты обучения?
6. Какова будет среда, в которую попадет иностранный выпускник после окончания образовательного процесса в стране?

Иными словами, должны соблюдаться определенные условия допуска к образованию, которые позволят работать не со всеми желающими представителями многогранного общества иной страны, но с конкретной, отвечающей определенным требованиям и целям принимающей стороны целевой аудиторией, что, во-первых сэко-

номит ресурсы, а во-вторых, даст первые весомые основания полагать, что вложенные средства были потрачены не зря для «мягкой силы» государства. В противном случае непонятно, какие основания у нас есть для предположения о том, что иностранным студентам будет импонировать то, что они увидят в стране *alma mater* и нет никакой гарантии, что, вернувшись домой, они проявят себя положительным для страны образом или не обратят полученные знания против своих учителей. Такая политика таргетирования имела место в Советском Союзе, в современной же России этим аспектам уделяется незаслуженно мало внимания, в том числе в экспертных работах, посвященных «мягкой силе». Впрочем, как показывает в своей работе «Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы “холодной войны”» доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений СПбГУ Н.А. Цветкова, в период 1950–1980-х гг. проблемы с таргетированием были и у советской международной образовательной политики, которая, в сравнении с американской политикой в данной области, была гораздо менее систематичной и гибкой и в конечном итоге менее эффективной¹¹. Вывод Н.А. Цветковой заключается в том, что советская международная образовательная политика, упорно не учитывавшая так называемого «эффекта влияния социального происхождения» и предполагавшая, таким образом, неэффективное таргетирование, в конце концов оказалась менее эффективной в долгосрочной перспективе, нежели американская. Если выпускники американских образовательных программ уже имели прочные связи и занимали лидирующие позиции в обществе, позволявшие им сразу оказывать влияние на ситуацию в своих странах, то большинству выпускников советских образовательных программ только предстояло (если вообще предстояло) освоиться в собственных обществах и начать борьбу за свое положение в них, часто в расчете на ресурсоемкую поддержку самого СССР. С нашей точки зрения – это опыт, который не может игнорироваться и оправдывает повышенное внимание к таргетированию в международной образовательной деятельности.

Политика таргетирования проводится в США и сегодня, о чем в своей статье «“Мягкая мощь” обменных программ» рассказывает начальник отдела международных проектов и программ Поволжского государственного технологического университета и стипендиат программы Фулбрайта А.Е. Фоминых¹². Селективный характер этой политики проявляется в наличии конкурсного отбора получателей грантов и стипендий, позволяющего выделить наиболее перспективных представителей в тех или иных областях дея-

тельности или научного знания, причем внимание уделяется, как и раньше, не только профессиональным достижениям, но и личным и деловым качествам соискателей, уровню их гражданской активности и опыту общественной деятельности.

Другой аспект, требующий внимания – среда, в которую попадают иностранные выпускники после окончания российского вуза. Если получается так, что после обучения они остаются в стране – с большой долей вероятности можно утверждать, что на российской «мягкой силе» это не скажется никак, поскольку влияния на общество целевой страны изнутри они оказывать не смогут. Если же выпускники возвращаются после обучения в свою страну – следует учитывать, что они попадают в иную среду, к которой они вынуждены заново адаптироваться, и никаких гарантий того, что одним из побочных результатов этой адаптации станет лояльность к политике Российской Федерации и продвижение ее интересов на местах не существует. Максимум, на что стоит рассчитывать в этих условиях – целенаправленная политика на продолжение работы с выпускниками, которую, например, ведут США и о которой в своей статье говорит А.Е. Фоминых. Она предполагает создание сетевых сообществ, исследовательских центров и групп (think tanks), а также финансовое обеспечение грантов. Ситуация может упроститься, если целевой аудиторией образовательных программ станут специалисты, уже занимающие лидерские позиции в своих областях, либо активно претендующие на это представители молодежи.

Наконец, существует еще один аспект, которому, как нам представляется, в дискуссии о российском образовании и «мягкой силе» уделяется недостаточно внимания. А.Е. Фоминых указывает, что американский опыт демонстрирует, что международные обменные программы для «мягкой» тактики реализации внешнеполитических интересов оказываются наиболее подходящим инструментом, а сам механизм реализации обменных программ как политическая технология, будучи сформированным, в настоящий момент доступен для анализа и, что важно, заимствования Россией. Однако автор в то же время неоднократно говорит об одном из неотъемлемых качеств эффективных образовательных программ для иностранцев в США – их идеологическом наполнении. В этой связи возникает вопрос – какое идеологическое наполнение обменных программ может обеспечить Россия, где идеологические дискуссии до сих пор носят напряженно острый характер, и пункт 2 статьи 13 главы 1 Конституции гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹³. Иными словами, какой идеологический компонент может внести

в свои образовательные программы государство, основной закон которого запрещает установление идеологии на государственном, обязательном уровне? Единственный ответ в этих условиях – при соблюдении Конституции и законности – никакой. Отсутствие же такой идеологии делает обменные программы неполноценными, затрудняет таргетирование и селекцию аудитории и в конечном итоге не позволяет государственным акторам осуществлять полноценную работу по развитию «мягкой силы» страны в этой области.

На значимость идеологии для эффективной внешнеполитической деятельности по линии «мягкой силы» США и необходимость оформления подобной идеологической работы в России указывает и директор Института стратегических исследований и прогнозов РУДН Г.Ю. Филимонов в своей монографии «“Мягкая сила” культурной дипломатии США». В заключительной части своей работы автор констатирует, что идеология была и остается неотъемлемым компонентом внешней культурной политики США, причем компонентом, пронизывающим американскую культурную политику почти во всех ее проявлениях¹⁴. В своей работе автор приходит к выводу о том, что политическое, социально-экономическое укрепление российской государственности может быть достигнуто через естественную, добровольную и «мягкую» консолидацию многочисленных братских народов вокруг стержневой русской культуры как системообразующего компонента этнокультурной карты современной России и ключевого элемента российской культурной идентичности. Однако, какова этнокультурная специфика отдельных народов России, каковы психологические, политические, экономические, культурные, морально-нравственные, религиозные и прочие особенности, потребности и устои русского народа, в чем заключается российская культурная идентичность и какое значение все эти факторы могут иметь для «мягкой силы» страны, автор не раскрывает, и, соответственно, вопросы – насколько реально в действительности осуществлять предлагаемое им и, что важно, какие конкретные проблемы могут возникнуть на этом пути – остаются без ответа. Остается без ответа и ключевой вопрос – кто конкретно должен формулировать и вводить в действие такую стратегию? Очевидно, что государство в одиночку обеспечить решение этих вопросов не в состоянии, так как во многом это прерогатива общества, выступающего носителем культуры и производителем эффектов привлекательности – столь важной категории в контексте «мягкой силы». Как показывает опыт США, подробно рассмотренный Г.Ю. Филимоновым, общество способно решать задачи по обеспечению привлекательности своей страны за рубежом через

распространение своей культуры, причем с конкретной материальной выгодой для себя. И для этого вовсе не обязательно вносить изменения в основной закон страны. Вопрос состоит лишь в том, сложились ли в России условия для успехов в этой деятельности.

Рассмотрев вышеуказанные работы российских экспертов, посвященные проблематике использования науки и образования как инструментов «мягкой силы», мы можем сделать следующие выводы.

1. Для российских публикаций по означенной проблематике до сих пор характерен подход, основания которого подвергнуты Дж. Наем и Р. Кеохейном критике в вышедшей еще в 1977 г. работе «Сила и взаимозависимость» (“Power and Interdependence”): внимание обращается на увеличение ресурсов, но не на увеличение собственно способности оказывать влияние на того или иного актора. В действительности наличие ресурсов является только первым шагом к достижению конкретных внешнеполитических целей. Второй шаг – использование и перевод ресурсов в конкретные результаты и силу.

2. Для российских публикаций по означенной проблематике также характерно допущение, что прошедшие обучение в российских вузах иностранные студенты по возвращении в свои страны будут там автоматически лояльны к России, ее обществу и политике ее государства. В действительности никаких оснований для подобного утверждения нет.

3. Достижение лояльности иностранных выпускников российских вузов, при которой только и возможен расчет на их значимость для обеспечения внешнеполитических интересов страны и государства, является многосоставной проблемой, предполагающей осуществление гибкой политики таргетирования для отбора целевой аудитории в каждой конкретной стране для обучения и обеспечение послеобразовательного контакта и взаимодействия между государством *alma mater* и выпускниками.

4. Идеологический фактор значим в образовательной деятельности, выступающей в качестве инструмента «мягкой силы». При этом государственные структуры из-за необходимости соблюдения пункта 2 статьи 13 Главы 1 Конституции РФ не имеют возможности законно обеспечить действие этого фактора. Правоммерно это могут делать, таким образом, лишь общественные организации.

Примечания

¹ См.: *Nye J. S. The Future of Power*: N. Y.: PublicAffairs, 2011. P. 20–21.

² Речь идет об акторах, представляющих группы интересов из страны и ее государственного аппарата. Подробнее см.: *Keohane R.O., Nye J.S. Transnational*

- Relations and World Politics: An Introduction (International Organization. 1971. Vol. 25. № 3). P. 330 [Электронный ресурс] / Universidad Complutense de Madrid. URL: http://www.ucm.es/info/sdreint/ficheros_materiales/materiales016.pdf (дата обращения: 10.04.2015).
- ³ *Дежина И.Г.* Российская наука как фактор «мягкого влияния» [Электронный ресурс] / Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=495#top (дата обращения: 10.04.2015).
- ⁴ *Nye J.S.* Bound to Lead: the Changing Nature of American Power. N. Y.: Basic Books, 1991. P. 198–201.
- ⁵ *Keohane R.O., Nye J.S.* Power and Interdependence. 2nd ed. N. Y.: HarperCollins Publishers, 1989. P. 224–225.
- ⁶ *Торкунов А.В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России (Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85–93) [Электронный ресурс] / МГИМО(У). Электронная библиотека. URL: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=DBCFAFE0C-DAD8-6FAE-48F4-57A948C3CB44> (дата обращения: 10.04.2015).
- ⁷ В этом положении А.В. Торкунов ссылается на вышедшую в 2009 г. статью М.М. Лебедевой и Ж. Фор «Высшее образование как потенциал “мягкой силы” России» (*Лебедева М.М., Фор Ж.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № (6) 9. С. 201).
- ⁸ См.: *Nye J.S.* Soft power: The means to success in world politics. N. Y.: PublicAffairs, 2004. P. 44–46.
- ⁹ См.: *Adelman K.* Not-So-Smart Power // Foreign Policy [Электронный ресурс]. 2011. April 18. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/04/18/not_so_smart_power (дата обращения: 10.04.2015).
- ¹⁰ См.: *Von Drehle D.* A Lesson In Hate // Smithsonian Magazine [Электронный ресурс]. 2006. February. URL: <http://www.smithsonianmag.com/history/a-lesson-in-hate-109822568/?all&no-ist> (дата обращения: 10.04.2015).
- ¹¹ См.: *Цветкова Н.А.* Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны»: 200 лет российско-американских отношений: наука и образование: сб. статей / Под ред. А.О. Чубарьяна, Б.А. Рубла. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 378–394.
- ¹² См.: *Фоминых А.* «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы: Цикл расхождений в мировой системе [Электронный ресурс]. 2008. Т. 6. № 1 (16). Январь – апрель. С. 76–85. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm> (дата обращения: 10.04.2015).
- ¹³ Конституция Российской Федерации // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.kremlin.ru/> (дата обращения: 10.04.2015).
- ¹⁴ См.: *Филимонов Г.* «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. С. 188.